

Муниципальный этап
Всероссийской олимпиады школьников
в 2025-2026 учебном году

<i>Предмет</i>	<i>Класс</i>	<i>Дата</i>	<i>Время начала</i>	<i>Время окончания</i>
<i>литература</i>	<i>10</i>	<i>17.11.2025</i>	<i>10.00</i>	<i>13.55</i>

Задание 1

Выполните комплексный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста (на выбор).

При выполнении комплексного анализа прозаического произведения Валерия Брюсова обратите внимание на семантику заглавия, эпиграфа, специфику композиции, оппозицию сон/явь, своеобразие пространственно-временной организации рассказа, детализацию, функцию финала произведения.

Валерий Брюсов. В башне

Записанный сон

Нет сомнения, что все это мне снилось, снилось сегодня ночью. Правда, я никогда не думал, что сон может быть столь осмысленным и последовательным. Но все события этого сна стоят вне всякой связи с тем, что испытываю я сейчас, с тем, что говорят мне воспоминания. А чем иным отличается сон от яви, кроме того, что оторван от прочной цепи событий, совершающихся наяву?

Мне снился рыцарский замок, где-то на берегу моря. За ним было поле и мелкорослые, но старые сосновые леса. Перед ним расстился простор серых северных волн. Замок был построен грубо, из камней страшной толщины, и со стороны казался дикой скалой причудливой формы. Глубокие, неправильно расставленные окна были похожи на гнезда чудовищных птиц. Внутри замка были высокие, сумрачные покои и гулкие переходы между ними.

Вспоминая теперь обстановку комнат, одежду окружавших меня лиц и другие мелкие подробности, я с ясностью понимаю, в какие времена унесла меня греза. То была страшная, строгая, еще полудикая, еще полная неукротимых порывов жизнь средневековья. Но во сне, первое время, у меня не было этого понимания эпохи, а только темное ощущение, что сам я чужд той жизни, в которую погружен. Я смутно чувствовал себя каким-то пришельцем в этом мире.

Порою это чувство обострялось. Что-то вдруг начинало мучить мою память, как название, которое хочешь и не можешь вспомнить. Стреляя птиц из самострела, я жаждал иного, более совершенного оружия. Рыцари, закованные в железо, привыкшие к убийству, ищущие только грабежей, казались мне вырожденками, и я провидел возможность иного, более утонченного существования. Споря с монахами о схоластических вопросах, я предвкушал иное знание, более глубокое, более совершенное, более свободное. Но когда я делал усилие, чтобы что-то вспомнить, мое сознание затуманивалось снова.

Я жил в замке узником или, вернее, заложником. Мне была отведена особая башня, со мною обращались почтительно, но меня сторожили. Никакого определенного занятия у меня не было, и праздность тяготила меня. Но было одно, что делало жизнь мою счастливей и восторгом: я любил!

Владельца замка звали Гуго фон-Ризен. Это был гигант с громовым голосом и силой медведя. Он был вдов. Но у него была дочь Матильда, стройная, высокая, светлоокая. Она была подобна святой Екатерине на иконах итальянского письма, и я ее полюбил нежно и страстно. Так как в замке Матильда распоряжалась всем хозяйством, то мы встречались по несколько раз в день, и каждая встреча уже наполняла мою душу блаженством.

Долго я не решался говорить Матильде о моей любви, хотя, конечно, мои взоры выдавали тайну. Роковые слова я произнес как-то совсем неожиданно, однажды утром, на исходе зимы. Мы встретились на узкой лестнице, ведущей на сторожевую вышку. И хотя нам много раз случалось оставаться наедине, - и в оснеженном саду, и в сумеречном зале, при чудесном свете луны, - но почему-то именно в этот миг я почувствовал, что не могу молчать. Я прижался к стене, протянул руки и сказал: <Матильда, я тебя люблю!> Матильда не побледнела, а только опустила голову и ответила тихо: <Я тоже тебя люблю, ты - жених мой>. Потом она быстро побежала наверх, а я остался у стены, с протянутыми руками.

В самом последовательном сне всегда бывают какие-то перерывы в действии. - Я ничего не помню из того, что случилось в ближайшие дни после моего признания. Мне вспоминается только, как мы с Матильдой бродили вдвоем по побережью, хотя по всему видно, что это было несколько недель спустя. В воздухе уже веяло дыханием весны, но кругом еще лежал снег. Волны с громовым шорохом белыми гребнями накатывались на береговые камни.

Был вечер, и солнце утопало в море, как волшебная огненная птица, обжигая края облаков. Мы шли рядом, немного сторонясь друг от друга. На Матильде была подбитая горностаем шубка, и края ее белого шарфа развеивались от ветра. Мы мечтали о будущем, о счастливом будущем, забывая, что мы - дети разных племен, что между нами пропасть народной вражды.

Нам было трудно говорить, так как я недостаточно знал язык Матильды, а она не знала моего вовсе, но мы понимали многое и вне слов. И до сих пор мое сердце дрожит, когда я вспоминаю эту прогулку вдоль берега, в виду сумрачного замка, в лучах заката. Я изведаль, я пережил истинное счастье, а наяву или во сне - не все ли равно!

Должно быть, на другой день, утром, мне объявили, что Гуго хочет говорить со мною. Меня провели к нему. Гуго сидел на высокой скамье, покрытой лосиными шкурами. Монах читал ему письма. Гуго был мрачен и гневен. Увидев меня, он сказал мне сурово:

- Ага! знаешь, что делают твои земляки? Вам мало, что мы побили вас под Изборском! Мы зажгли Псков, и вы просили нас о пощаде. Теперь вы зовете Александра, кичащегося прозвищем Невского. Но мы вам не шведы! Садись и пиши своим о нашей силе, чтобы образумились. Не то и ты, и все другие ваши заложники поплатятся жестоко.

Трудно разъяснить до конца, какое меня тогда охватило чувство. Первой властно заговорила в моей душе любовь к родине, бездоказательная, стихийная, как любовь к матери. Я почувствовал, что я - русский, что предо мною - враги, что здесь я выражаю собою всю Русь. Одновременно с тем я увидел, с горестью сознал, что счастье, о котором мы мечтали с Матильдой, навсегда, невосвратно отошло от меня, что любовь к женщине я должен принести в жертву любви к родине...

Но едва эти чувства наполнили мою душу, как вдруг где-то, в самой глубине моего сознания, загорелся неожиданный свет: я понял, что я сплю, что все - и замок, и Гуго, и Матильда, и моя любовь к ней - лишь моя греза. И вдруг мне захотелось рассмеяться в лицо суровому рыцарю и его подручнику-монаху, так как я уже знал, что проснусь и ничего не будет - ни опасности, ни скорби. Неодолимое мужество ощутил я в своей душе, так как от моих врагов мог уйти в тот мир, куда они не могли последовать за мною. Высоко подняв голову, я ответил Гуго:

- Ты сам знаешь, что не прав. Кто вас звал в эти земли? Это море - искони русское, варяжское. Вы пришли крестить чудь, корсь и ливь, а вместо того настроили замков по холмам, гнетете народ и грозите нашим городам до самой Ладоги. Александр Невский восстал на святое дело. Радуюсь, что псковичи не пожалели своих заложников. Не напишу того, что хочешь, но дам знать, чтобы шли на вас. С правыми бог!

Я говорил это, словно играя роль на сцене, и подбирал нарочно старинные выражения, чтобы мой язык соответствовал эпохе, а Гуго пришел от моих слов в ярость.

- Собака,- крикнул он мне,- раб татарский! Я велю тебя колесовать!

Тут вспомнился мне, быстро, словно откровение, осеняющее свыше провидца, весь ход русской истории, и, как пророк, торжественно и строго, я сказал немцам:

- Александр побьет вас на льду Чудского озера. Сметы не будет порубленным рыцарям. А потомки наши и всю эту землю возьмут под свое начало, и будут у них в подчинении потомки ваши. Это знайте!

- Уберите его!- закричал Гуго, и от гнева жилы у него на шее надулись, посинев.

Слуги увели меня, но не в мою башню, а в смрадное подземелье, в темницу.

Потянулись дни во мраке и сырости. Я лежал на гнилой соломе, в пищу мне швыряли заплесневелый хлеб, целыми сутками я не слышал человеческого голоса. Моя одежда скоро обратилась в лохмотья, мои волосы сбились в комок, мое тело покрылось язвами. Только в недостижимых мечтах представлялось мне море и солнце, весна и свежий воздух, Матильда. А в близком будущем меня ждали колесо и дыба.

Насколько реальны были радости моих свиданий с Матильдой, настолько реальны были и мои страдания в темнице ее отца. Но во мне уже не меркло сознание, что я сплю и вижу дурной сон. Зная, что настанет миг пробуждения и стены моей тюрьмы развеются, как туман, я находил в себе силы безропотно переносить все муки. На предложения немцев купить свободу ценой измены родине я отвечал гордый отказом. И сами враги начали уважать мою твердость, которая мне стоила дешевле, нежели они думали.

На этом мой сон прерывается... Я мог погибнуть от руки палача или меня могло избавить от неволи Ледовое побоище 5 апреля 1241 года, как и других псковских аманатов. Но я просто проснулся. И вот я сижу за своим письменным столом, окруженный знакомыми, любимыми книгами, записываю свой длинный сон, собираюсь начать обычную жизнь этого дня. Здесь, в этом мире, среди тех людей, что за стеной, я у себя, я в действительности...

Но странная и страшная мысль тихо подымается из темной глубины моего сознания: что если я сплю и грежу теперь и вдруг проснусь на соломе, в подземелье замка Гуго фон-Ризен?

При выполнении комплексного анализа стихотворения Осипа Мандельштама обратите внимание на мифопоэтику, композицию, роль цветовых символов и риторических вопросов, мотивный комплекс, детализацию.

Осип Мандельштам. Золотистого меда струя из бутылки стекла...

Золотистого меда струя из бутылки стекла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

(1917)

Максимальный балл за задание – 70.

Задание 2

Представьте себя в роли репортера на художественно-литературной выставке «Герои нашего времени». Обратите внимание, что на месте одной картины пустая рамка. Вам необходимо:

1) узнать литературного героя – *3 балла* (1 балл за каждого героя) – и указать, по какому признаку вы «опознали» каждого – *3 балла* (по 1 баллу за каждое указание);

2) определить, к какому литературному типу могут быть отнесены изображённые на портретах герои – *3 балла* – и объяснить свой выбор – *6 баллов*;

3) предложить свой вариант героя для «пустой картины» – *5 баллов*;

4) составить текст репортажа с выставки, в котором необходимо описать её особенности, указать принцип последовательности картин и место «нового экземпляра» – *10 баллов*. Объем текста – 10-15 предложений.

Рис. 1

Рис. 2

Рис 3.

Максимальный балл за задание – 30.